

Надежда БОБУХ

СИМВОЛИКА КЛЮЧЕВЫХ ОППОЗИЦИЙ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Антиномии типа **живот — смърт, щастие — нещастие** и т.п. определяют поведение каждого индивидуума. „Главным противопоставлением, теснейшим образом связанным с прагматическими целями коллектива, является различие положительного и отрицательного по отношению к коллективу и к человеку“¹. Это противопоставление реализуется в системе частных оппозиций, которые выражают колористические характеристики (**бял — черен**), темпоральные (**ден — нош**), пространственные (**земя — небе, ляв — десен**), употребляются для номинации сторон света (**изток — запад, север — юг**), времен года (**пролет — есен, зима — лято**), передают наиболее общие характеристики (**щастие — нещастие, живот — смърт**), обозначают социальные отношения (**свой — чужд**).

В составе таких антиномий один член „положительный, „хороший“, он определяет способ осмысления отдельных аспектов действительности, которые приобретают значение для социума, становятся догмами, не подвергающимися сомнению“². Второй конституент выражает отрицательную семантику. Ассоциация компонентов вышеназванных оппозиций с положительным и отрицательным началом связана с дуалистическим взглядом славянских племен на явления природы. Противоположность света и тьмы, тепла и холода, весенней жизни и зимнего омертвения особенно поразила человека, который заметил, что жизнь природы обуславливается силой света и тепла, без нее все замирает. Поэтому наши предки обоготворили небо, с которого падают солнечные лучи и проливается плодотворящий дождь, пробуждая земную жизнь. Навание солнца стало синонимом счастья³.

Человеку свойственно чувствовать привязанность к жизни и страх перед смертью. „Обоготворив все, связанное с плодородием, развитием, он должен был инстинктивно, с тревожной боязнью отступить от всего, что казалось ему противоположным творческому делу жизни. С закатом дневного светила на западе как бы приостанавливается

вечная деятельность природы, молчаливая ночь охватывает мир, облекая его в свои темные покровы, и все погружается в крепкий сон — знамение навсегда усыпляющей смерти⁴. У первобытных племен сформировалось убеждение, что мрак и холод, враждебные божествам света и тепла, образуются другой могучей силой — нечистой, злой, разрушительной. Так в религиозных верованиях возник дуализм.

Наши предки, круг понимания которых ограничивался внешней, материальной стороной, все природные явления разделили на две противоположные силы, что воплотилось в их веровании в Белобога и Чернобога, представителей света и тьмы, добра и зла. Верование в этих богов было когда-то общим для всех славянских народов, о чем свидетельствуют сохранившиеся географические названия и народные предания.

Дуалистический взгляд на явления природы нашел свое отражение и в языке. Слова, обозначающие свет, блеск, тепло, вместе с тем послужили и для выражения понятий блага, счастья, красоты, богатства и радости; слова, обозначающие мрак и холод, наоборот, для выражения понятий зла, несчастья, безобразия, нищеты и неурожая⁵.

Таким образом, дифференциация конститuentов антонимических пар **светлина — тьмнина, бял — черен, ден — нош, рай — ад, ляв — десен, изток — запад, юг — север, пролет — есен, зима — лято, щастие — нещастие, живот — смърт, свой — чужд** и т.п. на „положительные“ и „отрицательные“ ведет свое начало с древнейших времен. Лексемы **светлина, ден, бял, рай, десен, изток, юг, пролет, лято, щастие, живот** выражают положительную семантику, а слова **тьмнина, черен, нош, ад, ляв, запад, север, есен, зима, нещастие, смърт** — отрицательную.

Рассмотрим употребление некоторых названных выше бинарных оппозиций в болгарской поэзии, где они приобрели статус ключевых, что связано с первую очередь с их способностью использоваться в оценочно-характерологической функции.

СВЕТЛИНА — ТЪМНИНА

В данной антиномии положительно маркированный первый компонент, что ведет свое начало со времени осознания славянскими племенами той роли, которую играл свет в жизни природы. „В человеческом сознании, — указывает Г. Гочев, — свет ассоциируется с уверенностью, а темнота — с отрицательными эмоциональными переживаниями“⁶.

Противопоставление символов **свет и темнота** восходит к давней традиции, известной еще в церковнославянской литературе. Образом **мрака, тьмы** в поэзии издавна символически обозначали явления, не-

сущие скорбь, печаль и вообще бедствия, а образом **света** — положительные явления, несущие правильность и праведность в мир мрака и тьмы⁷. При характеристике положительных явлений в болгарской поэзии употребляются слова-образы, обозначающие непосредственно или метонимически свет либо предмет, излучающий его: **светлина, светлинка, светлик, свет, сияние, слънце, лъч, звездаца, зора, лампада**. Основу большой группы субстантивов с отрицательной экспрессией образуют слова-образы **тъмнина, тъма, мрак, мрачина, мъгла** и т.п. Длительная традиция употребления этих лексем определила выдвигание у них на первый план экспрессивных функций, способствовала превращению их в отрицательно оценивающий эпитет⁸. Антиномия **светлина—тъмнина** реализуется в болгарской поэзии в таких противопоставлениях: **светлик — мрачина, свет — мрак, сияние — тъма, слънце — мъгла, лъч — тъма, зора — мрак, лампада — тъма**, в которых вторые компоненты обозначают отрицательно оцениваемые явления, в частности символизируют тяжелую жизнь, бремя общественных условий, состояние подавленности, душевные переживания: Душо, не унивай, ободри са, /изпълни се с вяра и надежда, /наште мъки страшни, но свети са: / през мъглите слънце пак проглежда (*И. Вазов*). Ний всички сме деца на майката земя, / но чужда е за нас кърмящата ѝ гръд / и в шеметния кръг на земния си път, / жадувайки лъчи, угасваме в тъма — /ний, бедните деца на майката земя (*Х. Смирненски*). Дойди, успокой ме, дойди — утеши ме, / нерадостен път ме сломи; **сияние** дневно е твоето име, / а моето — **нощни тъми** (*Д. Дебелянов*).

Оппозиция **светлина — тъмнина** и синонимы к ее компонентам используются в поэтической речи и с целью противопоставления прогрессивного и реакционного периодов общественной жизни. Особенно часто обращался к этим символам классик болгарской литературы *И. Вазов*, который в своих произведениях призывал народ на борьбу против турецкого ига: „Не, не гине сила млада, / пет столетя в мъка расла, / не гасней в тоз **мрак лампада**, / в ноц вековна неугасла!“ „Правота — то дава ни крилата / в тоя час проклет на срам и плен, / с него нашия дух не е строшен, / то за нас **лампада** е в **тъмата**, / то за нас е утрешният ден“. „...ний носим **слънце** там, де гробен **мрак** царува — / в злочестите земи, де братя иго влачат — / и скоро нов живот ще там да заликува, / а ти си поплачи въз гроба на палачът“.

БЯЛ — ЧЕРЕН

Распространенное использование бинарной оппозиции **бял — черен** в поэтическом языке связано, во-первых, с наличием в природе многих реалий — носителей белого и черного цветов, во-вторых, с сим-

волическими значениями эти колористических прилагательных. Черный цвет издавна считается символом злых сил, несчастья, плохой жизни, неприятных ощущений в противопоставление белому, который символизирует добрые силы, хорошую жизнь, чистоту, все светлое. Следовательно, антонимический бином **бял — черен**, кроме соответствующих цветообозначений, выражает положительную и отрицательную символику.

„Первое деление цветов, — отмечает С. Войнова, — было по принципу светлые — темные. Светлые связывались в понятиях людей с хорошим началом, темные — с плохим. Деление цветов на белые и черные более новое, но и в нем сохранено их символическое начало: светлый — белый — хороший; темный — черный — плохой“⁹. Использование адъективных оппозиций **светъл — тъмен** и **бял — черен** в болгарской поэзии подтверждает символичность их переносных значений: Толкоз пътища **бели**, / само пътят към тебе / е **черен** (Г. Джагаров). От **бели** помисли за **черни** дни / до гуша ми дойде да съм богат (В. Сотиров). И музика съм аз — от **светли** и от **тъмни** /намерени в душата глъбини (М. Кондакова). **Тъмна** или **светла**, добра или зла, / но чудни словеса е на дланта ми съдбата написала (Е. Багряна).

Понятийную группу **белого** цвета в болгарской поэзии составляют следующие лексемы: **бял, бяло** (субст.), **белея**; **черного** цвета: **черен, черно** (субст.), **чернея**.

В поэтической речи чаще всего используется оппозиция **бял — черен**, что связано прежде всего с разнообразным семантическим объемом этих колористических прилагательных. Противопоставляемые компоненты антиномии **бял — черен** характеризуются неограниченной валентностью и часто используются в прямом значении, определяя цвет окружающих предметов, который они имеют постоянно или приобретают в конкретных условиях (**бял**: **човек, лице, коси, гълъб, лебедица, снежинка, хълм, кристал, вълна, ковчег, забрадка, конец**; **черен**: **човек, мустаци, гарван, лебедица, кристал, скала, рокля, воала, забрадка, конец**): Тя **бяла** в роклята си **черна**. / Звездичка трепкаща във мрак (Н. Йорданов). Колко птици, гълъби ли **бели**? Гарвани ли **черни**? Колко птици / в мислите ни ненадейно спрели / като в **тъмни** дъбови лестници (Х. Фотев). На масата ми винаги са / двата твои камъка руда / с кристали **черни** / и кристали **бели** (Е. Багряна).

Конституенты бинарной оппозиции **бял — черен**, сочетаясь с названиями вышеуказанных конкретных реалий, реализуют прямые значения данных спектральных цветов.

Поскольку восприятие цвета индивидуумом связано с его психологическим осмыслением, то наряду с прямыми номинативными зна-

чениями членов антонимической парадигмы бял — черен в поэзии присутствуют и переносные. „Для стиха показательно, в основном, преобладание переносных значений слов **черный и белый** по сравнению с другими цветообозначениями (соотношение 10:1).“¹⁰

Переносные значения указанных цветовых образов, основываясь на народной символике, углубляются и конкретизируются в зависимости от индивидуально-авторского поэтического видения. В древней христианской символике белый цвет — символ причастности к святому, „значение цвета у него как бы вспомогательное, второстепенное, цвет является лишь средством выразить главное — причастность к святости“¹¹. В противоположность **белому** прилагательное **черный** издавна считается символом темных сил, злых духов.

Метафорические эпитеты с прилагательными **белый и черный** в народнопоэтическом и поэтическом употреблении предполагают параллелизм впечатлений. Названия цветов здесь обобщаются, символизируются, „реальное физиологическое впечатление света и цвета служит выражением вызываемого им психического ощущения и в этом смысле переносится на предметы, не подлежащие чувственной оценке“¹². Противоположение света и тьмы, обобщение понятия светлого и белого как чего-то желанного, а темного и черного как признака печали объясняет, по наблюдениям акад. А. Н. Веселовского, метафорические эпитеты: **черная тоска**, в русских песнях **белый царь**, **белая (милая) матушка**, **белые** (т.е. счастливые) **дни**, в украинских — **білий молодець**, **біла дівка**, в болгарских — **бели сватове...** Характер обобщения зависел от эстетических и других причин, иногда неуловимых: почему, например, у чувашей **черный** часто означает: хороший, честный?¹³

Положительная и отрицательная маркированность названных символов прослеживается и в использовании оппозиции бял — черен в болгарской поэзии.

В семантике прилагательных бял — черен поэтический язык активизирует, кроме прямого указания на цвет, и переносное значение „счастливое время — несчастливое время“: Ще се нижат дни, **черни и бели**, / с неотменния знак отбелязани (*Е. Багряна*). Колко птици, о, не бяха птици, / песните на майките ни клетки, / в **черни** нощи раждали войници, / в **бели** нощи раждали поети (*Х. Фотев*).

Аналогичные символические значения выражают и компоненты антонимического биннома светъл — тъмен: И аз отново страстно ще се врежа (в плътта на дните **светли или тъмни** (*Х. Фотев*). Край мъничкото леки, **светли дни** / дважд повече са тежките и **тъмни** (*Д. Дамянов*).

Противопоставление „положительное — отрицательное“ передается в поэтических контекстах субстантивированными прилагатель-

ными бяло — черно, светло — тъмно, которые употребляются в переносном значении: Мислете, че аз съм ясна / като огледало, / че оглеждам безпристрастно / **черното и бялото** (С. Пенчева). Ах, острие, направено от свят, / от жал по ближн, от тъга по брат, / от хорско **тъмно** и от хорско **светло** (Д. Дамянов).

Черная тональность используется для передачи тяжелой жизни, горя, грусти, тревоги. Отрицательную экспрессию черного цвета поддерживают типичные для поэтического словаря метафоры **черна мъка, черен поглед, черен път, черна сласт** и т.д.: Вън две дечица правят бял човек / под **черен поглед** на един баща (Д. Дамянов). Бяла вълна ще отбие / следите на **черната сласт** — / и нова, невеста власт / утринна шир ще открие (Д. Дебелянов).

Белый цвет передает положительное оценочно-характеристическое значение в метафорах **бели помисли, бели пътища, бяла памет** и т.п.: Да остане **паметта** ни бяла — / неизписана от **черното** перо на страданияето (Е. Багряна).

Кроме оппозиции **бял — черен**, в болгарской поэзии употребляются и колоративные глаголы **белея — чернея**, которые передают динамичное, интенсивное проявление цветовых признаков предметов как активного процесса: И полетата / **чернеят**, / и балканите / **белеят**, / и потоците / **немят** (Г. Джагаров).

ДЕН — НОЩ

Противопоставление **ден — нощ** связано с оппозициями **бял — черен, светлина — тъмнина**. „Свет символизирует солнце, день, жизнь, а темнота — отсутствие солнца, ночь, смерть“¹⁴.

В поэтических контекстах антиномия **ден — нощ** выражает в основном положительное оценочное содержание. Образ **дня** традиционно ассоциируется со светом, солнцем, теплом, образ **ночи** — с темнотой, луной, прохладой. В функции художественных определений противопоставляемых частей суток в таких случаях используются преимущественно прилагательные **светъл, сияен, ясен, слънчев, хубав** (ден); **тъмна, ясна, лунна** (нощ): През тези **ясни дни** и **ясни нощи** / не гледайте на нашето със стръв — / Отец Паисий обикаля още / и проверява българската кръв (Е. Евтимов). Всичко аз съм му дал: / и горещата кръв, / и косите на гъсти вълни, / и доброто сърце, / за да бъде такъв: / **с тъмни нощи** / и **слънчеви дни** (Г. Джагаров).

В поэзии также встречаются эпитеты, с помощью которых не только характеризуются указанные части суток, но и передается внутреннее состояние лирического героя (**ден: спокоен, щастлив, бурен, лек, памятен; нощ: лека, сладосънна, памятна**): — Ах, да дойде, мамо ... /

Чакам армаган. / — Носи го оттамо — / с пушката на рамо, / с цвете увенчан. / Така ще сме троица. / **Леки дни, нощи** (*И. Вазов*). Неусетно се връщаме в нашата младост и детство, / с тиха болка открехваме стари, закрити врати / и от тях се занизва безкрайното, пъстрото шествие / на години и хора, на **паметни нощи и дни** (*Е. Багряна*). Не по площади празнични — в сърцата ни, / не в дните ни **щастливи** — в **нощи сиви**, / се връщат те, от съвестта ни пратени, / да ни докажат, че са още живи (*Д. Дамянов*).

В приведенных примерах противопоставление ден — ночь выполняет не только прямую номинативную, но и оценочно-характерологическую функцию: передает чувство покоя, радости, счастья.

На временную семантику компонентов анализируемой оппозиции может накладываться и отрицательное оценочное содержание, которое формируется значением эпитетов (ден: **студен, горещ, кървав, тревожен, морний, уморен, мъртъв, нервен, вихрен, черен**; нощ: **дълга, ледена, сива, безсънна, тежка, неспокойна, мучителна, кошмарна, свирепа, горчива**): **Тревожния кървав ден** / бе минал... / **Настъпи септемврийска нощ** (*Н. Хрелков*). Длъжност такава, / за която не плащаш ти самия, / не, / плащаш ти самия, / плащаш, додето сърцето бие, / додето имаш нещичко още: / плащаш с младите си години, / и със зрелите си години, / с **уморени дни и горчиви нощи** (*С. Пенчева*). Когато вече ни разделя (**безсънна нощ и нервен ден**, / във понеделник и в неделя / ти непременно вярвай в мен (*Н. Йорданов*).

В приведенных выше поэтических контекстах члены темпоральной оппозиции ден — ночь в сочетании с соответствующими эпитетами передают чувство грусти, тревоги, усталости, страдания, символизируют насилие, войну.

Словосочетания типа **светлината на деня и тъмнината на нощта** подчеркивают присутствие/отсутствие света — признак, лежащий в основе противопоставления названных частей суток: Как е лесно да се каже — аз горя! / Пламъците мои не тревожат / **тъмнината на нощта**. / Моят дим не помрачава / **светлината на деня** (*Х. Карахюсеинов*).

Традиционным для поэтического языка является употребление оппозиции ден — ночь с целью противопоставления прогрессивного и реакционного периодов общественной жизни, противопоставления мира и войны: Да дигнем нов живот над пепелта, / бутнахме старо — ново да градим, / със правда, ред безправье да сменим, / да светне ден, де владаше **нощта** (*И. Вазов*). И дълго слушах Вардар да нашепва / на милосърдните среднощни сянки / за **тъмнините на нощта** вековна, / за бликналия ден в тоз край неволен (*Д. Дебелянов*). Бях първи ден след

дългата ви **нощ**. / Не помните ли — аз и свободата — / и в този ден останахме едно! (*Д. Дамянов*).

Образ **дня** в указанных примерах выражает положительное обобщенно-символическое значение „обновленная общественная жизнь“. Употребление адъективов **вековна**, **дълга** и субстантива **тъмнина** усиливает отрицательную коннотацию символа **ночь**.

Мастера художественного слова используют антонимический бинот **ден** — **нощ** и для символического противопоставления счастья, радости — несчастью, печали, на возможность которого обратил внимание А. А. Потенция: „Ночь есть печаль и несчастье, день — счастье и радость“¹⁵. Например: **Аз тъмните нощи в дни светли ще обърна** (*Д. Дебелянов*). ...в необходимия ми твой въздух, / твой живот, / твой ден и твоя **нощ** — / мое съвремие! (*Е. Багряна*).

Указанное значение лексемы **нощ** может передаваться и другими символическими образами с отрицательной экспрессией: **тъмнина**, **тъма**, **мрак** и т.п. Ср.: **Обичам те — въздушно нежна, в нежна младост, / като на ангела сънят, / и сън си ти вешателен за тиха радост / в нерадостта на моя път, / и първи път за изповед в сърце ридае / доброто и грехът, / и ето ден — и ето тъмнина е** (*П. Яворов*). Българийо, аз много писах / за тебе и ще пиша пак, / че ти си в мене, в мойта мисъл / и в моя ден, и в моя **мрак** (*Г. Джагаров*).

Особенной выразительности и динамичности образам **дня** и **ночи** придает персонификация, при помощи которой раскрываются связи между индивидуумом и природой. Мастера поэтического слова надеются названные фазы суток способностью действовать, чувствовать, мыслить: **Не можех лесно да забравя / туй, що съм преживял тогава. / Не можех аз, защото още / като ръжени в мойта гръд / забучени, кървят, болят / онези дни, онези нощи** (*Г. Джагаров*). **И съсък на змии и кръсъци на жаби / аз чуя недосяган в тъмни самоти; / ден взора ми лови, нощ думите ми граби** (*П. Яворов*). **Ношта ме разлюби, / денят отминава** (*Д. Дебелянов*).

Единство человека и природы подчеркивается также в поэтических контекстах, в которых лирический герой сравнивается с **днем** и **ночью**: **Със теб цял свят е мой! Ти всичко си за мен — / ти, тъмна като нощ и саяна като ден!** (*К. Христов*). **Цар и роб съм, ден и нощ, / и тъмница, и вселена** (*И. Вазов*).

РАЙ — АД

В оппозиции **рай** — **ад** положительно маркированный компонент **рай** („в христианских представлениях место вечного блаженства, обещающее праведникам в будущей жизни“) противопоставляется конс-

титуенту с отрицательным значением ад („лат. (locus) infernus, „нижнее место“, пекло (в славянских языках, например, в польском *piekło*, букв. — „смола“) — место вечного наказания отверженных ангелов и душ умерших грешников“)¹⁶. Противопоставление **рай** — **ад** сформировалось на основе понятий о дуализме небесного и подземного, светлого и мрачного миров, о душе и теле умершего. Указанные значения членов антонимической парадигмы **рай** — **ад** реализуются и в поэтических контекстах: Лишена от вярa в небесните / сили, в задгробния свят, / тя не знаеше псалми, ни песни, / пренебрегваше **рай** и **ад** (*Л. Даскалова*). Полубезжизнен вече, полулук, / с душица — гълъб, литнала към **рая**, / ще кацна в ада, но на свой човек / ръката в тази, с ножа, ще позная (*Д. Дамянов*).

Кроме того, в поэзии также используются противопоставляемые слова-символы **рай** — **ад**. В переносном значении **рай** символизирует красивую, благодатную местность, спокойную, счастливую жизнь, с адом ассоциируются невыносимые, страшные условия, обстоятельства, очень опасное место, тяжелое душевное состояние. Ср.: О, лети от триумф на триумф, радост сей! / Нощ превръщай на ден, плач на смях, ад на **рай** / и над Охридско озеро, раб де ридай, / ти победно си знаме развей! (*И. Вазов*). Толкова си малка, че те зная / цялата, издъно, до безкрай / и от юни чак до месец май, / и от твойте адове до **рая** (*Д. Стефанов*).

Отрицательная экспрессия свойственна также субстантивам **пъкъл** (нар.), **преизподня**, которые синонимичны компоненту **ад**: Да кажа — край! — на тоя **рай**, / под който грее нежен **пъкъл** (*Е. Евтимов*). Нима не виждаш, че са старомодни / и твоят **рай**, и твойта **преизподня** / за наште сити ближни / и комай / зад чуждите души, в нощта залостени (*Д. Методиев*).

ПРОЛЕТ — ЕСЕН

Бинарная оппозиция **пролет** — **есен** используется в поэтическом языке преимущественно в прямом номинативном значении для противопоставления времен года: Защото, знам, закони има / добри и правилни в света: / след **есента** настъпва зима / и пак си идва **пролетта** (*Г. Джагаров*). Връща се Валя, отново отплава, / пътища нови и нови земи ... / **Пролети**, **есени** вече минават (*Е. Багряна*).

В переносном употреблении указанная антиномия реализует символические значения: **пролет** — ассоциируется с молодостью, годами детства и юности, с чем-нибудь начальным, что предвещает расцвет, победу; **есен** — с приближением старости, угасанием чувств, жизни.

Ср.: Фърка времето крилато, / фърка с бяг чудесен: / мина мойта пролет, лято, / влязох и аз в есен (И. Вазов). Върти се птицата, върти се. / И в радостта ми плаче жалост. / И в пролетта ми има есен (Д. Дамянов).

ЩАСТИЕ – НЕЩАСТИЕ

Оппозиция **щастие – нещастие** свързана с антиномией бял – черен, что нашло отражение в веровании древних славян в Белобога и Чернобога, а также „в огромном материале, содержащемся в каждой отдельной славянской фольклорной традиции“¹⁷. Кроме того, не вызывает сомнений и связь противопоставления **щастие – нещастие** с антонимическим биномом ден – нощ, что уже отмечалось. В работе „О доле и сродных с нею существах“ известный языковед А. А. Потебня выделяет в слове съчаштиє корень частъ, что означает собственно нечто отрезанное, часть. **Счастье** он объясняет как „состояние, имеющее часть, а **несчастье** — отсутствие части — счастья“¹⁸.

В поэтических контекстах положительный компонент **щастие** противопоставляется отрицательному **нещастие**: О, **щастие**то е наследство, / далечен географски пояс. / **Нещастие**то си почитай, / че то е собственост, която / си придобил с цена висока (Р. Ралин).

Следует отметить разнообразие воплощения второго члена противопоставления: **беда, горест, несгода, злочестина** и т.п. Например: Вампир над мене ще застанеш, / о **щастие** и **горест** — / о **щастие** и **горест** — и **беда!** (П. Яворов). И с таз земя се радвах и болях, / любих я в **щастье** и в **несгода**, / и мойто битие всецяло слях / със битие то на народа (И. Вазов). Тревожни писъци — залутан жерав — / мълчи, сърце! **Злочестина** и **щастие** безмерно (Т. Кунев).

ЖИВОТ – СМЪРТ

В антонимическом биноме **живот – смърт** первый компонент выражает положительное значение, а второй — отрицательное. В поэтическом языке данное противопоставление используется преимущественно в прямой номинативной функции: Няма празно място / във **живота** ми, / за да нахлуеш / с прилива си в него — / няма жива клетка изоставена, / за да се вмъкне в нея / неочаквано **смъртта** (Д. Габе). Новият съвет записал, / литвам пак на дълъг път, / без за миг да си помисля, / че в **живота** има **смърт** (Н. Ланков).

Отрицательная экспрессия образа смерти усиливается эпитетами **безпощадна, кахърна, хладно-гъмна** и др.: Като причастие **живот** честит / на глътки пия, след **смърт** **безпощадна** (Д. Дамянов). Ако аз не ходя, мойта си пътува. / От **живота** весел — до **смъртта** **кахърна** (Д. Дамянов).

Персонифицированные образы жизни и смерти воспринимаются как реальное олицетворение: Когато съм дошъл на този свят, / донесли ми икона, а от нея / смъртта ме гледала и съскала „Назад!“ / Животът спрял я ... (Д. Дамянов). Сега / къс и от моя живот смъртта откъртва (С. Пенчева).

Положительная семантика компонента **жизнь** нивелируется сравнением его со **смертью**: Дали във следната минута / ще съм пак аз и ще съм там, / където съм днес, тоест — тука? / Не знам — животът си е смърт (Д. Дамянов).

Таким образом, исследование оппозиций на материале поэтических произведений свидетельствует о том, что в роли ключевых в них используются антиномии типа **живот — смърт, щастие — нещастие**, которые определяют поведение каждого человека, а также противопоставления, выражающие колористические, темпоральные и пространственные характеристики. Конституенты таких оппозиций семантически маркированы, один из них ассоциируется с положительным началом, а другой — с отрицательным. Указанная дифференциация объясняется дуалистическим взглядом славянских племен на явления природы.

В поэтическом языке, как свидетельствует материал, положительная и отрицательная маркированность компонентов анализируемых биномов в большинстве случаев сохраняется. Кроме того, в связи с тем, что слово в художественном тексте усложняется „эстетическими превращениями и преобразованиями смысла“¹⁹, лексические значения противопоставляемых членов антонимических парадигм видоизменяются, приобретают дополнительные оттенки. Расширение связей и ассоциаций конституентов бинарных оппозиций создает предпосылки для активного использования их обобщенно-символических значений. Для болгарской поэзии характерны метафорические выражения, в которых символические противопоставления используются для обозначения внутреннего состояния лирического героя (**светлина — тъмнина, бял — черен, ден — нощ, рай — ад, пролет — есен**), общественной жизни (**светлина — тъмнина, ден — нощ**) и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. — М.: Наука, 1965. — С. 63—64.

² Стойнев А. Светогледът на прабългарите. — София: Изд-во на Българската Академия на науките, 1985. — С. 70.

³ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. — М., 1865. — Т. 1. — С. 67.

- ⁴ Там же. — С. 91.
- ⁵ Там же. — С. 94.
- ⁶ **Гочев Г.** Антонимите в българския език. — София: Народна просвета, 1985. — С. 66.
- ⁷ **Бакина М. А., Некрасова Е. А.** Эволюция поэтической речи XIX—XX вв. — М.: Наука, 1986. — С. 55.
- ⁸ **Григорьева А. Д., Иванова Н. Н.** Поэтическая фразеология Пушкина. — М.: Наука, 1969. — С. 226.
- ⁹ **Войнова С.** Сравнительный анализ фразеологических единиц с компонентами-цветообозначениями (на материале русского и болгарского языков): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. — Л., 1978. — С. 23.
- ¹⁰ **Москович В. А.** Статистика и семантика. — М.: Наука, 1969. — С. 143—144.
- ¹¹ **Бахилина Н. Б.** История цветообозначений в русском языке. — М.: Наука, 1975. — С. 27.
- ¹² **Веселовский А. Н.** Историческая поэтика. — Л.: Гослитиздат, 1940. — С. 66.
- ¹³ Там же. — С. 66—67.
- ¹⁴ **Стойнев А.** Светогледът на прабългарите. — София: Изд-во на Българската Академия на науките, 1985. — С. 84.
- ¹⁵ **Потебня А. А.** О доле и сродных с нею существах. — М., 1865. — С. 3.
- ¹⁶ Мифологический словарь / Под ред. Е. М. Мелетинского. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — С. 20, 453.
- ¹⁷ **Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.** Славянские языковые моделирующие семиотические системы. — М.: Наука, 1965. — С. 66.
- ¹⁸ **Потебня А. А.** О доле и сродных с нею существах. — М., 1865. — С. 2.
- ¹⁹ **Виноградов В. В.** Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 156.